

ИВАН МИРОНОВ

ЗАМУРОВАННЫЕ

МОСКВА
2022

Предисловие автора

Я начал писать «Хроники Кремлевского центра» спустя месяц после моего ареста, по ночам, под фонарем аварийного освещения трехместной камеры Федеральной тюрьмы номер один, куда я был брошен по обвинению в покушении на Чубайса. К этому времени персонажей и коллизий, политики и быта, горя и смеха уже накопилось на долгие ночи арестантской прозы. Я тогда не верил, что моя неразборчивая скоропись когда-нибудь обретет читателя и не будет похоронена в архивах оперчасти изолятора. Я не мог надеяться, что рукописные странички «Хроник» станут книгой, в фокусе тюрьмы отразившей нашу эпоху. Перспектива сгинуть на пару десятилетий в строгорежимных лагерях за Уральским хребтом была для меня тогда гораздо зримей и реалистичней, нежели литературный успех начатых записок. Все было в те дни против меня, и даже в глазах сокамерников я прочитывал собственную обреченность.

Удивительно, но даже самая страшная реальность, изложенная на бумаге, теряет тошнотворный вкус гнетущей жути, которая остается лишь острой приправой сюжета. Парадоксален и юмор, понижывающий «Замурованных». О нем святитель Николай Сербский писал из концлагеря: «Сегодня только сила и шутка могут спасти нас от отчаяния и безумия». Этим девизом тех, кто не сдается и продолжает бороться, преодолевая страдания

и побеждая уныние, дышат «Замурованные», страшные и смешные. Два года судьба писала эту книгу, посылая новые испытания и уникальных попутчиков — фигурантов самых громких дел первого десятилетия нового века, от легендарных киллеров до олигархов, от «вождей» до «мессий». Но мало было написать, нужно было суметь вывести рукопись на волю из стен почти секретного изолятора. Отрывки книги украдкой от камер слежения удавалось скидывать адвокатам, часть записок я сумел передать маме через клетку в судах за спинами утративших бдительность конвоиров. Однако сохранить удалось не все. Куски рукописи были безвозвратно изъяты во время регулярных обысков камеры.

Журналист, попавший в тюрьму, волею судеб и профессии неизбежно становится историком. У писателя, оказавшегося за решеткой, кошмар непредсказуемости рано или поздно сменяется подсознательным азартом первопроходца — повесть миру о том, что еще никому не открыто. Для всякой тоталитарной системы губительно пожирать интеллигенцию тюрьмами. Это лакомство ядовитое...

Мое освобождение из плена после двух лет тюремного заключения явилось лишь промежуточной победой общества над политической системой. Впереди предстоял суд присяжных, растянувшийся почти на десять месяцев. Я по-прежнему оставался обвиняемым, а свобода была ограничена прихотью следователя и судьи.

Уже через месяц после издания книга попала в разряд негласно запрещенных. По звонкам сверху отменялись презентации, изымались из продажи тиражи. Но «Замурованные», достойно встреченные читателем, устояли. И спродюсированная Вадимом Цыгановым, озвученная народным артистом России Виктором Никитиным при участии автора, книга вышла даже в аудиоверсии.

Судьбы некоторых героев «Замурованных» за минувшие годы определились, изменились, оборвались, но об этом в следующей книге.

Понятие о родине писаны для нас одними чернилами...

Что может объединить двух людей, попавших то ли по поущению Божию, то ли по милости Его в тюрьму, и не простую, а самую что ни на есть «привилегированную»? Оказалось, что многое может объединять людей, совершенно не имеющих никаких точек соприкосновения.

Мы познакомились с Иваном в одной из камер СИЗО-99/1 (ныне СИЗО-1), что надежно «несет» свою незаметную службу на улице Матросская тишина. Ему было тогда ровно столько лет, сколько было мне, когда я стоял, как и он в этот момент, на перепутье жизненных дорог, и кто-то за меня, как и за него, решал, куда направить наши судьбы. После окончания соответствующего для каждого из нас института никто не сомневался в правильности и ясности избранного. Но человек предполагает, а Бог располагает.

Понятие о Родине писано для нас обоих одними чернилами и на одной бумаге, однако существенно разнится с понятием государства, отраженным в «Замурованных». Увлеченность автора не перехлестывает фанатизмом и не изменяет объективности.

В моей жизни было много черных участков, может быть, поэтому я не люблю ложь в отношениях и грязь в политике, а потому консервативен в первом и совсем не касаюсь второго. Но Иван легко вошел в круг уважаемых мною людей, хотя политика для него есть море, где он бороздит просторы «искусства возможного». Причин подобного отношения к нему много и главная из них — умение держать слово.

Пишу это еще и для того, чтобы сказать о правдивости характеров и личных особенностей героев романа, коих имел возможность изучить и я. Случайная разница во впечатлениях объясняется лишь тем, что одни и те же сидельцы были встречены на разных этапах наших жизненных путей. А ведь некоторые из нас перевозмогали заключение в течение и трех, и четырех, и пяти, и более лет. Разумеется, надежды, силы и иные характеристики человека в начале пребывания в крайне замкнутых и тяжелых условиях гораздо отличаются от его же характера, изменившегося по пришествии тюремных лет, судов и вынесенных приговоров.

Если когда-то появится книга «Замурованные. Пять лет спустя», получится новая история с новыми героями, правда, с теми же фамилиями.

Лично я книгу прочитал на одном дыхании и с жадным интересом. О многих из описываемых событий я знал исключительно понаслышке, по «арестантскому радио». Здесь автор не только высветил, но и мотивировал многие события, происходившие в период нашего заключения.

То, что видел и слышал я, что замечал и что пережил, почти полностью совпадает с написанным. В лишениях и тюремном безвременье мы учились искать радость и осмысление нашего существования в этом необычном центре. Необычен он не только арестантским контингентом и внутренней герметичностью, что, в основном, и создает более тяжкие условия содержания по сравнению с остальными тюрьмами, но и малым количеством заключенных с повышенным к ним со стороны администрации вниманием и воздействием. Последнее, впрочем, не выходит за рамки кодексов, да это и не нужно — ибо большая часть статей работает со времен ГУЛАГа, что сохраняет возможность для маневра.

Начальник «Кремлевского центра» незабвенный и бессменный Иван Павлович, возможно, потому «дер-

ЗАМУРОВАННЫЕ. ХРОНИКИ КРЕМЛЕВСКОГО ЦЕНТРАЛА

жится на плаву», что талантливо умудряется находить компромисс между жаждущими крови отдельными следователями и законом, а также виртуозно вербовать самых благующих арестантов.

Современный человек — существо социальное, и лишить его привычного общества и общения — значит, создать условия невыносимые. Этот централ усиливает подобное состояние непреодолимой неизвестностью как обстоятельством, наиболее непереносимым человеческой психикой. Удивительным при этом является то, что внутренней свободы выбора лишить нас никто не может, но многие о ней стараются забыть, опускаясь и сдаваясь, выменивая человеческую волю на животные инстинкты. Однако в «Замурованных» показана не только страшная девальвация человека, но и его мощный духовный подъем, возможный только в экстремальных жизненных обстоятельствах.

Личная история автора — это мужественное преодоление испытаний по правде и совести. Он делится этим спасительным опытом, сопереживая и сочувствуя даже таким, как я.

*Алексей Шерстобитов
(Леша Солдат)*

Декабрь. 11-е

Если утро затянулось до обеда, то день безнадежно пропал.

11 декабря 6-го года, в полпервого дня, я сидел на кухне на улице Дмитрия Ульянова, обретаясь в тяжелом настроении от позднего подъема, раздраженно посматривая на часы, светящиеся на электронном табло плиты. Черный циферблат размеренно выплевывал ядовито-красные числа, безвозвратно съедавшие понедельник.

— Какие планы? — Наташка разлила источающий ароматную горечь кофе в изысканный фарфор.

— В институт надо отскочить. Передать завкафу окончательный вариант диссертации и обратно. За пару часов уложусь.

— Когда защищаться планируешь?

— По весне защититься, по осени жениться.

— Хе-хе. — Наташка, сверкнув тонкими запястьями, распечатала пачку «Вог». — И все это будучи в федеральном розыске?

— Чушь. Какой розыск?! Ты же дело видела! Перед законом я чист, да и офицеров не сегодня-завтра оправдают. Вначале хотели жути поднагнуть, на показания давануть...

— Ты это моему отцу объясни. — Глаза девушки подернулись хронической грустью.

— Да, душный у тебя батька. Тяжело с вами — хохлами. Мутные, как самогон, зато беленькие, как сало.

— Вань, прекращай. — Наташа обидчиво дернула бровями, резко вдавив сигарету в пепельницу.

Я подошел к окну, с одиннадцатого этажа отыскал грязным пятном сливающуюся с асфальтом свою машину, припаркованную на стоянке, занимавшей почти всю территорию двора-колодца.

«Надо бы помыть», — мелькнула обрывочная мысль в до конца не проснувшемся сознании.

— Купи что-нибудь на ужин, — вклинилась в мои планы Наташа.

— Хорошо, — нехотя отозвался я.

— Кстати, как будем Новый год встречать? — Этот вопрос за два дня звучал уже раз пятый.

— Как скажешь, Наташенька, — попробовал отмахнуться, но безуспешно.

— Давай что-нибудь придумаем. Времени-то мало осталось.

— Времени валом. Еще почти три недели. — Я напряженно выдумывал, как соскочить с назойливой темы. — Кстати, я же вчера уши наварил. Будешь?

Накануне, в воскресенье, я закупил на рынке рыбной всячины, за полночь провозившись с ущицей. Все честь по чести, с процеживанием бульона и обязательной рюмкой водки, щедро опрокинутой в кастрюлю. Ночью, сняв пробу, я оставил блюдо на завтра в предвкушении чревогодных радостей.

— Собрался ее сейчас есть? — искренне удивилась Наташа.

— А когда?

— Ну, как вернешься.

— Буду сейчас.

Наташка, недовольно фыркнув, ушла из кухни.

Уха действительно получилась настоящей. Бульон переливался блестящей перламутровой мозаикой, раз-

ряженной малахитовыми искорками укропа. А вкус! До сих пор мне кажется, что я больше не ел ничего вкуснее той ухи.

Разобравшись с трапезой, оделся, взял телефоны, бумаги, сунул в карман травмат, проверил документы на машину.

— Наташ, пока. — Я щелкнул дверной задвижкой.

— Пока. — Девушка дежурно мазнула помадой по моей щеке. — Не забудь про магазин. Ну и про Новый год.

— Не занудствуй, — бросил я в закрывающуюся за мной дверь.

Пересчитав этажи, лифт без остановок приземлился на первом.

Поздоровавшись с консьержкой, толкнул промежуточную дверь.

— Вы из 55-й? — окликнула консьержка, высунувшись из своей будки.

— Да. — Я отпустил дверь.

— Я извиняюсь, — продолжила женщина. — У вас там небольшой долг за вахту.

— На обратном пути рассчитаюсь.

— Да, да. Конечно, — протараторила консьержка, исчезнув за решеткой.

Снова толкнул дверь, оказавшись перед второй — тяжелой, железной, на магнитном коде. Нажал кнопку, калитка запищала, выпустив меня на волю.

В пяти метрах, наискосок от подъезда, стояла незнакомая красная «Тойота». Почему-то она сразу бросилась в глаза: старая, тонированная, просевшая под тяжестью пассажиров.

— Все! Приплыли! — пронеслось в голове.

Сделал шаг назад. Дверь, медленно закрывавшаяся за мной на доводчиках, еще спасительно пищала, но в то же мгновение звук потух, металл лязгнул о металл. Движение началось. Из машины высыпались хмурые мужчины.

Они бежали слева и справа, копошась в подмышках, отстегивая табельное.

— Стоять, сука! Руки в гору! На землю! — загудело в ушах.

В глазах запестрели вороненая сталь, порезанные фурункуловые жирные рожи, запаршивленные щетиной. Дальше пленочка в голове стала крутиться медленнее, обволакиваясь багровой дымкой. Голоса стали звучать то приглушенно до нежного шепота, то резко до боли в висках.

Я лежал на тротуаре, когда мне, выламывая руки, крепили наручники. Перед глазами топтались ботинки, дорогие, но крепко замызганные. Первый удар пришелся под ребра. Ощущение, как будто в тебе сломали карандаш. Это хрустнуло плавающее ребро. Адреналиновая анестезия нивелировала боль. Из кармана куртки достали травмат, что было отмечено летящей мне в голову остроносой туфлей. Я успел отдернуть шею, поэтому вместо сломанной челюсти отделался разбитым ртом.

— Хорош, убьете! — раздался визгливый окрик. — Нам его еще в прокуратуру сдавать. Поднимите.

Меня подняли.

— Полковник милиции... — Свою фамилию мусор опустил, махнув передо мной красными корками. — Назовитесь!

— Да пошел ты. — О плечо я вытер сочившуюся изо рта кровь.

— Иван Борисович, мы сейчас с вами проследуем в Генеральную прокуратуру для дачи показаний.

Меня закинули в машину, на пол, в проем между сиденьями. Две пары ног водрузились на обмякшее тело, тяжелый каблук припечатал голову к резиновому коврику. На правом переднем, насколько я мог ориентироваться по голосам, восседал полковник.

— Все в порядке! Мы его приняли! Встречайте! — радостно сообщил он кому-то по телефону. — Снимайте группу со стоянки.

Значит, ждали и возле машины, знали, на чем езжу и лишь приблизительно, где живу. Ехали недолго, остановились, меня выволокли из «Тойоты», перекинули в «Жигули», в «семерку», посадили на заднее сиденье, подперев по бокам двумя обрюзгшими товарищами с потухшими, практически немигающими глазами.

— Ты, парень, не подумай — ничего личного, Чубайса сами ненавидим и замочить его — дело правое, но приказ есть приказ, людишки мы подневольные, не держи зла, — посочувствовал сосед справа, владелец до боли знакомой остроносой туфли.

Я судорожно засмеялся.

— Чего ты ржешь? — удивился мусор.

— И уши поел, и с Новым годом порешали. — Я сцедил густую кровавую жижу себе под ноги.

Голова плыла, браслеты жевали запястья, я отключался. Сосед слева, пристроив пакет на моем плече, всю дорогу смачно жрал плов вприкуску с какой-то дрянью.

Из забытья я был извлечен, когда подъехали к высокому, цвета незрелого баклажана строению, огороженному чугунным частоколом. То было здание Генеральной прокуратуры в Техническом переулке. Туда же подтянулись остальные участники героического захвата.

— Слышь, Иван, ты в какой квартире жил? Адрес свой нам скажи, — как бы между прочим пробросил полковник.

Его милицейская непосредственность заставила меня улыбнуться.

— Перетопчетесь, — бросил я.

— Мы же тебя по-хорошему спрашиваем, — оскандился полковник.

— Я тебе и по-плохому не скажу.

— Мы же все равно найдем. Весь подъезд на уши поставим. Тебе оно надо? — не унимался правоохранитель.

— Ищите! Работа у вас такая — искать.

— Зря ты так. — В голосе милиционера прозвучали обидчивые нотки. — Мы к тебе по-человечески подошли. Тебя вообще СОБРом хотели брать.

Квартиру сыщики нашли ближе к полуночи. Зашли по-простецки, распилив дверь болгаркой и до полусмерти напугав Наташку. В ходе четырехчасового обыска, на который не пустили даже адвоката, обнаружили несколько патронов от травматического пистолета «Оса», две брошюры, один диск, книгу отца... Вся их добыча.

Небольшой узкий кабинет следователя был заставлен четырьмя столами с компьютерами, толстыми подшивками уголовных дел и прочим хламом. Внутри наводил суету молодой человек посыльного вида с затертым «я», со взглядом кролика, но хомячьими щеками от значимости учреждения, в котором ему приходилось шустрить.

Сначала я принял его за курьера, хотя смущал его костюмчик, отливающий какой-то гадкой зеленью. Но когда «курьер» начал по-хозяйски рассаживать моих мусоров, обходительно приобнимая их за плечи, я окончательно запутался. Еще одной обитательницей кабинета оказалась бледная, как моль, женщина, настолько бледная, что моя память сумела выхватить лишь бельмообразную тень, снующую по комнате. Наконец появился подлинный хозяин кабинета, чье имя красовалось в коридоре возле двери: Краснов Игорь Викторович.

В старшем следователе по особо важным делам Генеральной прокуратуры Краснове было больше от Маньки Облигации, чем от Жеглова. Бабья манерность, бесстыдная вертлявость и витринный лоск содержанки сливались воедино в советнике юстиции. Он ходил скорее на дорогого адвоката или финдиректора какой-нибудь